

Так терпел я много,
Что не помню сам;
Муки и тревога
Взмыли к небесам...¹

*Артюрь Рембо
«Песня самой
высокой баини»*

Нырнуть...

Ощутить, как тело рассекает дрожащую поверхность бассейна, и тут же возродиться, чудесным образом скользнуть под воду, проплыть параллельно дну, быстро замедлить движение и сразу ускориться одним движением ног, задержать дыхание на сколько получится, пока не почувствуешь, что грудь разрывается от недостатка воздуха, потом медленно всплыть: а вдруг что-то помешает подняться на поверхность и неумолимо потянет вас на дно... Она, конечно же, выныривает, сплевывает хлорированную воду, делает несколько взмахов, прежде чем снова нырнуть.

Детский смех она теперь слышит как сквозь вату. Глаза щиплет. Она различает болтающиеся ноги возле ярко-красного дна надувного матраса. В воде она уже через несколько секунд неизменно обретает девичью ловкость, как будто тяжесть прожитых лет теряет власть над ее телом. Окружающий мир меркнет, бассейн в отеле на юге Франции уже кажется ей не вполне реальным.

Озеро... Ей шестнадцать лет. Мерцание воды. Светлые волосы и загорелая кожа. Ежедневное купание,

¹ Перевод с французского М. Кудинова.

уединенное и тихое сладострастие, которое она вкушает с утраченной невинностью детства. Строго говоря, это не воспоминания, скорее ощущения, угнездившиеся в порах ее кожи, живая память конечностей...

Еще несколько саженей, и она хватается за край бортика. Оглядывается, замечает разомлевшие тела на банных полотенцах, прохладительные напитки на низких алюминиевых столиках, детей, гоняющихся друг за другом вокруг бассейна под окрики матерей.

Как только она выходит из воды, волшебство перестает действовать. Ноги наливаются тяжестью, внутрь заползает злая усталость. Она снимает купальную шапочку, встряхивает волосами и быстро возвращается в шезлонг. Хватает пары секунд, чтобы взгляды окружающих обратились на нее. Возраст не мешает ей осознавать свою красоту и власть над другими людьми. Над мужчинами моложе себя. В их взглядах читается желание, чуть постыдное, быстро подавляемое. Она часто подстерегает эти жестокие переломные моменты: сперва притянутые к ней, как магнитом, они быстро отворачиваются, чувствуя вину за то, что пусть и на секунду, но почувствовали влечение к женщине, иногда намного старше их.

Она не всегда была красивой. В пятнадцать лет черты ее лица были неказистыми, манеры — мальчишескими, походке недоставало элегантности. Редкие фотографии того времени продемонстрировали бы это с суровой правдивостью, но они ей ни к чему. Образ себя пятнадцатилетней запечатлелся у нее в памяти. Лицо сорванца — единственное, что действительно принадлежало ей. Его она хотела бы сохранить. Но в лето шестнадцатилетия произошла метаморфоза, неожиданная и необратимая: стройный силуэт, утонченное лицо,

грудь, вызывающе торчащая под белыми платьями образцовой юной девушки. Больше она ни разу не узнала себя в этом теле. Красота может оказаться бременем тяжелее уродства. Мало кто способен это понять.

Рядом с ее полотенцем лежит бестселлер из гостиничного магазинчика, первую главу она так и не осилила по причине его редкой занудности.

Собираясь лечь на шезлонг, она видит его, но узнает не сразу, хотя лучше бы это случилось немедленно, рывком. Сначала появляется ощущение присутствия — кажется, за тобой кто-то наблюдает, — хотя мужчина смотрит в другую сторону. Требуется время, чтобы в голове созрела рациональная мысль. Она часто моргает, желая убедиться наверняка, и не понимает, как могла не заметить его раньше. Он пришел, когда она плавала? Или уже был там? Какова вероятность, что это он? *Действительно он...*

Она потрясена. Что-то поднимается в ней, как волна из океанских глубин, захватывающая все ее существо. Она не может шевельнуться. Затылок каменеет. Неподвижные руки прилипли к бокам. Тело стало чужим. Она чувствует только, как капли воды стекают с волос на лоб.

Он лежит рядом с седой женщиной. На нем полосатые плавки, натянутые до пупка. Тело уродливое, дряблкое. Она не знает, сколько ему сейчас лет; могла бы покопаться в памяти, быстро посчитать, но уж слишком велико изумление. В момент узнавания что-то внутри нее сломалось — навсегда.

Она ждет. Минут двадцать, может, больше. Она замерла на своем шезлонге, притворяется, что загорает, глаза скрыты за темными очками, но по-прежнему устремлены на мужчину. Официант предлагает гостям

прохладительные напитки; она отказывается, покачав головой.

Мужчина наконец встает. Его жена — ну или спутница — не двигается с места. Они обмениваются несколькими словами, он похлопывает женщину по плечу и уходит шаркающими шагами, с полотенцем под мышкой.

Она выжидает несколько секунд, чтобы не привлечь внимания — да кто заметит, что там происходит у бассейна? — потом быстро хватает вещи и следует за ним.

Мужчина направляется к бунгалу с розовым фасадом в дальнем конце гостиничного комплекса, за пальмами с пожелтевшими листьями. Номер 36. Дверь он открывает не сразу, медленными движениями. Она стоит чуть в стороне, почти не прячась, — невысказанно, чтобы он ее заметил. Мужчина входит в бунгалу. Она несколько мгновений смотрит на закрытую дверь, ничего не испытывая. Страдание пока не просочилось в душу.

Затем она возвращается к себе, находит все необходимое на маленькой открытой кухне и возвращается к номеру 36 с решимостью человека, лишённого выбора. После нескольких минут под кондиционером жара снова обволакивает ее тело, как вторая кожа.

Она прикладывает ухо к двери, дабы убедиться, что он все еще один, потом стучит. На мгновение ей кажется, что он мог не услышать, потому что и сама не уверена, что постучала. Мужчина открывает. Он по-прежнему в плавках, даже рубашку не накинул. Его лицо не выглядит удивленно.

Это действительно он. Взглянув с близкого расстояния, она убеждается: ошибки быть не может. Она пом-

нит его лицо, которое постарело меньше тела. Она говорит себе, что в одетом виде он, должно быть, все еще способен произвести впечатление — именно такое выражение приходит ей на ум.

— Слушаю вас...

— Узнаёте меня?

Собственный голос кажется странным, далеким. «Он, конечно же, меня не узнаёт», — думает она, но тут в глубине его глаз загорается крошечная искорка, которая заставляет ее усомниться. На мгновение. Всего на одно. Он качает головой, не понимая, что нужно этой женщине, вздергивает брови, ожидая дальнейших объяснений. Их не будет.

Она повторяет:

— Вы узнаёте меня?

— Что вы хотите? — спрашивает он с внезапным раздражением. — Кто вы такая?

— Меня зовут Нина.

Мужчина не реагирует. «А что ты себе нафантазировала? Думала, одно упоминание твоего имени вызовет у него панику? Воображала, что завеса разорвется?»

Он еще не заметил нож, который она держит в руке, крепко прижимая его к правому бедру, облепленному мокрым саронгом¹. В кухонном шкафчике она выбрала самый большой и острый.

— Святая Мария, — произносит она после паузы. — Припоминаете?

¹ Саронг — традиционная мужская и женская одежда ряда народов Юго-Восточной Азии и Океании. Это полоса цветной хлопчатобумажной ткани, которая обертывается вокруг пояса (или середины груди — у женщин) и прикрывает нижнюю часть тела до щиколоток, наподобие длинной юбки.

Вопросы не нуждаются в ответах. Слишком поздно. Мужчина отступает на два шага, он растерян, даже напуган, и она протискивается в дверной проем. Прохладное дыхание кондиционера обдувает ее лицо. Кажется, что она прыгнула через пропасть, время исчезло. Сорок лет... Расстояние покрыто за секунду.

Она смотрит на мужчину, не видя его, не зная, страшно ли ему. Теперь он увидел нож и разевает рот, как будто хочет закричать. Однако ни один звук не слышится с его губ.

Последний акт.

От бассейна доносятся детские крики. Она захлопывает дверь, поднимает нож и наносит первый удар в шею. Красное попадает ей на руку. Теперь она видит только его налитые кровью, лезущие из орбит глаза, искаженное ужасом лицо. Она поднимает нож, чтобы нанести новый удар. Потом еще один. И еще.

Сейчас ей ясно одно: она выйдет из этой комнаты только после того, как убьет этого человека.

Часть I

Нашему наследству не предшествует
никакое завещание.

Рене Шар
«Отрывки из Гипноса»

1

Иногда я говорю себе — с известной оглядкой назад, на которую ссылаются после того, как катастрофа уже произошла, — что все могло сложиться иначе. Но как далеко нужно вернуться во времени, на какой развилке, в какой переломный момент и какой случайный выбор надо сделать, чтобы изменить ход событий?

Драма не бывает случайной. Я верю, что все мы, по трусости и слабости, носим в себе семена будущих несчастий. И когда происходит перелом, жестокий и необратимый, все равно остаемся слепыми и не видим мельчайших трещин, которые предупреждали об этом.

Париж, май 2008 года

Это происходит вечером перед вернисажем.

Я опаздываю. «Пробки», — говорю себе, когда такси высаживает меня перед галереей, но в глубине души не очень-то в это верю. Человек пять знакомых пьют вино и курят перед витриной, в которой выставлено большое черно-белое фото моего отца: взгляд из-под кустистых бровей устремлен в объектив, лицо закрытое — автопортрет из неопубликованного, найденный в его архиве и выбранный мною в качестве плаката для выставки.

Я обмениваюсь несколькими рассеянными рукопожатиями с гостями на тротуаре, оттягивая, насколько это возможно, момент входа в логово льва. Два горящих бешенством глаза приветствуют меня, как только я переступаю порог галереи.

— Какого черта ты вытворяешь? Я оставил тебе как минимум три сообщения!

Матье, владелец галереи и, кстати, мой лучший друг, наблюдал за моим прибытием через окно. Он залпом опустошает свой бокал шампанского, одновременно хватая меня за руку.

— Извини, я забыл мобильный дома и не заметил, как пролетело время. Ты знаешь, ЧТО ЭТО ТАКОЕ...

Откуда ему знать? Матье не расстается с телефоном, который зачастую выглядит естественным продолжением его руки. Он качает головой.

— Ты никогда не изменишься, честное слово... Напоминаю: мобильный телефон существует, чтобы с тобой можно было связаться в любой момент.

— Нужно было начать без меня. Ты бы и сам прекрасно справился.

После короткой паузы его тон становится более серьезным:

— Сегодня люди ждут не меня, Тео. Они хотят услышать именно тебя.

И это действительно проблема. Я отвожу взгляд в сторону. Сколько себя помню, находясь в центре внимания, я всегда впадал в глубокое беспокойство. От шума и разговоров вокруг у меня заболела голова.

— Давай, поехали! — добавляет он, все еще держа меня за руку, — вероятно, опасается, что я убегу, как только он отвернется.

Мы пробираемся через толпу. Матье налево и направо шутит по поводу моего опоздания, как будто меня нет рядом. Я держусь позади и пытаюсь улыбаться.

Фотографии на стенах, плод десятилетнего труда, все в тонких черных рамках, сменяют друг друга, как во сне. Я мог бы мысленно совершить экскурсию по выставке, после того как провел много дней в архиве отца, собирая и сортируя тысячи негативов, которые он накопил за последние десять лет жизни. У нас с Матье сохранилось сто пятьдесят снимков, все неопубликованные, которые только что изданы в книге под названием «Память и забвение», предисловие и подписи — мои.

Среди знакомых и незнакомых гостей я замечаю Изабель, бывшую помощницу отца, которая машет мне, когда я прохожу мимо. Я знаю ее всю свою жизнь и всегда узнаю по волосам «соль с перцем», уложенным в пучок, которые придают ей старомодный вид школьной учительницы из прошлого. Она прижимает к груди экземпляр книги.

— Ты и представить не можешь, как я тронута, Тео... Ты проделал великолепную работу! Отец гордился бы тобой.

Невозможно сосчитать, сколько раз мне повторяли фразу «Твой отец гордился бы тобой»: когда я получил диплом бакалавра с отличием, когда меня приняли в подготовительный класс лицея Генриха IV, а два года спустя — в «Ла Фемис»¹; удостоились этих слов моя первая фотовыставка и первые документальные фильмы, снятые для телевидения. Если о моих работах выходи-

¹«Ла Фемис» (фр. La Fémis) — Национальная школа изобразительных и звуковых профессий, ранее — Институт высших кинематографических исследований (IDNEC).

ли хвалебные статьи, авторы видели во мне «достойного наследника своего отца»... Но кто на самом деле знает, что он подумал бы обо мне и моей карьере? Эта фраза никогда не заставляла меня почувствовать гордость или тщеславие, скорее оказывала прямо противоположное действие. Вместо того чтобы высказывать гипотетические мысли мертвого и похороненного отца, я предпочел бы, чтобы мне просто сказали: «Мы гордимся тобой». Это именно те слова, которых я тщетно жду все эти годы.

Я едва успеваю поблагодарить Изабель, как меня снова подхватывает и увлекает за собой Матье. Гости следуют за нами и продвигаются вглубь галереи. Рядом с буфетом оборудовано небольшое пространство с микрофоном и столиком для автографов. Мой взгляд теряется в «изысканном собрании». Я ищу лицо, не очень веря в успех. Я даже не разочарован. Когда ни на что не надеешься, нет и досады.словно читая мои мысли, Матье наклоняется ко мне.

— Ты отправил ей приглашение?

— О ком ты, черт возьми?

Он раздраженно качает головой. Осознавая, что моя реакция нелепа, я капитулирую:

— Нет. Я не верю, что она пришла бы...

Я вру. Я искал лицо моей жены, Джульетты. Вернее, бывшей жены; наш брак давно стал пустой формальностью. Мы не виделись больше шести месяцев и даже не разговаривали по телефону. Я несколько дней колебался, прежде чем вложить приглашение на ее имя в конверт. «Я бы очень хотел, чтобы ты пришла. Надеюсь, выставка тебе понравится». Эти жалкие слова я нацарапал на оборотной стороне открытки. Слова, которые я мог бы написать любому едва знакомому человеку,

предназначались женщине, разделившей со мной шесть лет существования.

«Я бы хотел, чтобы ты была со мной. Ради моего отца. Для меня. Для нас. Я не хочу, чтобы все закончилось таким образом». Неужели эти несколько предложений так трудно написать? Выходит, да, раз я не смог.

Матье наливает себе еще шампанского и постукивает по нему ложечкой, как свидетель на свадьбе, готовый порадовать присутствующих неизбежной речью, обогащенной шутками на тему школы и сентиментальными историями. Он щелкает по микрофону, проверяя звук, и знакомым, хорошо поставленным голосом начинает ретроспективный рассказ о творческом пути моего отца: дебют в качестве художника, первые опубликованные в журналах снимки из путешествий по Африке и Азии, участие в Сопrotивлении, годы фотожурналистики в известных информационных агентствах, перекрестные репортажи из США и СССР времен холодной войны — и резкая смена курса в 1963 году, когда он прекратил всякое сотрудничество с ведущими журналами, чтобы посвятить себя личным проектам, которые при жизни увенчались редкими выставками и публикациями. Квазиотставка на пике славы, во многом способствовавшая легенде о таинственном Йозефе Кирхере.

Я знаю все это наизусть. Матье звучит, как заезженная пластинка. Наконец я поднимаю голову и позволяю своему взгляду скользнуть по аудитории, которая для меня не более чем туманная масса. Раздаются аплодисменты. Только в этот момент я осознаю, что Матье протягивает мне микрофон.

Говорить об отце на публике всегда было для меня испытанием. Наверное, потому, что я никогда не знаю, какую сторону принять. Отстраненно рассуждать о его